

ТУБАЛАРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

Опубликовано: *Этническая история народов Азии*. - М., 1972. - С. 52-66.

Под тубаларами в советской этнографической литературе известна часть северных алтайцев, обитающая в бассейне верхнего течения р. Бии и в верховьях р. Иши (правый приток Катуня) в Горно-Алтайской Автономной области. В дореволюционной литературе их относили к «черневым татарам», под которыми подразумевали обобщенно тюркоязычное население горной тайги Северного Алтая и Кузнецкого Алатау, жившее разбросанно небольшими родоплеменными группами¹. Обитателей Кузнецкого Алатау часто именовали еще «кузнецкими татарами», куда входили различные группы телеутов, абинцев и шорцев.

Тубалары Горного Алтая получили это наименование от своих соседей—алтайцев. Сами себя они называли обобщенно «йыш-кижи», т.е. «лесной человек» («лесные люди»), а конкретно по имени того или иного рода или сеока, на которые они делились независимо от официального административного устройства².

По В.Вербицкому, тубалары делились на пять следующих волостей: Кузенскую, Южскую, Комляжскую (или Комдожскую), Кергежскую и Тогульскую³. В.Радлов перечисляет эти же волости, но называет их без достаточного основания племенами и указывает, из каких родов состоит каждая из них: Кузен (роды Кузен и Чедибеш); Тиргешь (роды Токус, Йобур, Чыгал); Комнош (роды Комнош, Ялан, Тон, Чыгал и Палан); Йус (роды Йус и Шор) и Торгул⁴. Кергежскую волость В.Радлов называет Тиргешской, как это делают сами тубалары, представители же «Торгульской» волости сами себя называют Тонгул, в чем я убедился на месте.

Упомянутые волости сохранялись у тубаларов под теми же названиями почти до Великой Октябрьской революции. Перепись 1897 г. зарегистрировала в их представителей 22 сеоков — родов, большинство которых, как я показал в одной из своих работ, не были тубаларскими и появились здесь в результате смешения различных групп алтайцев⁵. Не повторяя аргументации, приведу здесь уточненный описок сеоков тубаларов с их подразделениями, проверенный мной на месте: 1. Кондош (с подразделениями Кобурчы Кондош, Котугас Кондош, Киис-пёрүк Кондош, Палан Кондош, делившееся в свою очередь на Көгүс Кондош и Тастар Кондош); 2. Кузен (с подразделениями — Тонжарак Кузен, Победеш-Кузен и Киштиндер Кузен); 3. Юс (с подразделениями— Тау-Юстар, Сары-Юс, Саргайчы-Юс, и Шанмай или Сангмай-Юс); 4. Тиргешь (он же Кергеш); 5. Токус; 6. Чыгат (Чигат); 7. Тибер; 8. Ялан (он же Тонгул); 9. Ярык.

Данные сеоки были по местным масштабам многочисленны (от 200 до 1 тыс. человек, по данным 1897 г.), за исключением сеока Ялан (96 человек), большая часть которого находилась в Тогульской оседлой волости по р. Чумышу (правый приток Оби) в степном районе.

Все перечисленные сеоки или их отдельные подразделения под этими же названиями известны по русским историческим документам с первых десятилетий XVII в., в которых они выступают как «волости» или как «землицы», причем обитали они в основном на тех же местах. В отписке кузнецкого воеводы, датируемой 1627 г., упоминаются Чигаты, Ибери (Тибер), Тогусы, а также Боланская (Палан) земляца. О них сказано, что они находятся от Кузнецка на расстоянии четырех недель лыжного хода⁶.

¹ Название «черневые» произошло от слова «чернь», которым местное русское население называет горную тайгу. Оно является эквивалентом тубаларского слова «йыш».

² Род у тубаларов был строго экзогамным и патрилинейным.

³ В.Вербицкий, Алтайцы, Томск, 1870, стр. 12.

⁴ W.Radloff, Aus Sibirien, Leipzig, 1883, стр. 213.

⁵ Л.П.Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969, стр. 46—52.

⁶ Г.Миллер, История Сибири, т. II, М.—Л., 1941, стр. 586.

С 1629 г. в ясачных книгах имеются записи о поступлении в Кузнецк ясака с Кузенской, Комношской, Тиргешской (иногда Тиргецкой), Шанжинской, Южской (иногда Исленской или даже Ислель) и Тогульской волостей⁷.

Некоторые волости в первой половине XVII в. временами прекращали взнос ясака и откочевывали то в «черные калмыки» (к джунгарам), например Южская волость, то в «Саяны» (к саянцам), то «к телесам», как это было с тиргешами в 1642 г.⁸ Тиргеша в то время иногда назывались «киштымами» (данниками) телесов⁹. Тиргешская волость с начала XVIII в. именуется в русских документах Кергежской.

В своих предыдущих работах я стремился показать, что тубаларские сеоки Чыгат и Ярык телесского происхождения¹⁰. Здесь добавляю, что сеок Ярык входил в раннесредневековое объединение тюркоязычных кочевников «теле», как это явствует из хотаносакского документа-свитка А. Сталь-Гольштейна, датированного примерно 925 г. Наименование «джарык» значится в описке телесских и тардушских племен, обитающих в районе Каратата, т.е. «Черных гор», находящихся в провинции Ганьсу¹¹. Это же название в форме *Çarıq* отмечено в группе племен, живущих к востоку от Волги и Средней Азии и у Махмуда Кашгарского (XI в.)¹². Отсюда понятно наличие Джарык-Ярык не только в составе алтайских телесов, но и в родоплеменном составе среднеазиатских киргизов¹³.

Материалы русских исторических источников XVII в. свидетельствуют, что названия ясачных «волостей» и «землиц» тубаларов являются самоназваниями их родоплеменных групп, сохранившимися до наших дней, и отнюдь не придуманы местной администрацией.

Документальные сведения о тубаларах XVIII в. подтверждают устойчивость названий их волостей и других подразделений, существовавших в XVII в., кроме того, содержат ценные указания об их расселении.

По «переписи 1719 и по свидетельству 1723 годов» тубаларские волости отнесены Кузнецкой канцелярией к району р. Кондомы в составе Кузенской, Комляжской, Кергежской (т.е. Тиргешской) и Южской¹⁴. Тогульская волость отнесена к р. Томи, хотя первые четыре волости находились по р. Бие, а Тогульская по р. Чумышу. по правобережью Оби. Такое местоположение указано вследствие того, что путь из Кузнецка к тубаларам на Бию шел через бассейн Кондомы, а в Тогульскую волость через р. Томь.

Точные данные по этому вопросу, сообщает Г. Миллер, собравший их на месте в 1734 г.¹⁵ Из них следует, что Южская волость находилась в горах между Бией и Катунью, как и в начале XX в.; Кузенская — вверх по р. Бие в полдня пути от Кумандинской, находившейся при впадении в Бию р. Лебедь; еще выше по Бие была Комляжская волость (в районе ее обитания впадает в Бию левый приток р. Копша); еще выше по правому берегу Бии, вплоть до берегов Телецкого озера — Кергежская волость (Тиргешская); Тогульская же волость указана по р. Чумышу, в районе речки Тогул, рядом с Тагапской. Последнюю я считаю за одну из волостей (точнее, родов) абинцев, ибо ее название — не что иное, как «таг-аба», т.е. «горные аба», или горные абинцы. Вторым родом абинцев, также не отмеченным еще в литературе, был род Кара-аба, имя которого сохранила Карабинская деревня, основанная в 1760 г., и группа современных шорцев (карабалары)¹⁶.

⁷ «Русская историческая библиотека», т. VIII, СПб., 1884, стр. 474.

⁸ Б.О. Долгих, Родоплеменный состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, стр. 107.

⁹ Сибирский Приказ, кн. № 10, л. 1, — С.А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л., 1936, стр. 86.

¹⁰ Л.П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 30, 48, 167—168.

¹¹ H.W. Bailey, The Staël-Holstein Scroll. Asia Major, New Serica, vol. II, pt I, London, 1951; E.G. Pulleyblank, The Date of the Staël Holstein Scroll. Asia Major, vol. IV, pt I, 1954.

¹² О. Караев, Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах, Фрунзе, 1968, стр. 51.

¹³ С.М. Абрамзон, Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии, — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959, стр. 38.

¹⁴ Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, № 152, лл. 252 — 281 об.

¹⁵ См.: Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 131 — 132.

¹⁶ По данным Г. Миллера и других источников, жители Тогульскои Тагапской волостей вели сходный образ

Часть тонгулов, которая попала в среду тубаларов, дала начало сеоку Ялан и ассимилировалась в этой среде как в отношении культуры, так и быта.

Ценные сведения о тубаларах находятся в двух документах 1745 г. В первом сказано, что «южские татары, кочующие по р. Сары Копше, которая течет из-под хребта Катунского с полдня на север в р. Бию», платили ясак по два-три соболя с человека русскому царю; кроме того, джунгарскому «контайше — по котлу и тагану железному»; далее, «комляжские татары», кочевавшие вверх по Бие, платили ясак, по два-три соболя, а «контайше — по котлу и тагану железному»; затем «ясашные кергежские татары» платили ясак по два-три соболя и алман «контайше — по котлу и тагану». В этом документе почему-то не говорится ничего о Кузенской волости, находившейся на р. Бие рядом с Кумандинской. Это тем более странно, что их соседи «кумандинские татары» близ устья р. Лебеди названы как платящие ясак по два-три соболя с человека и алман «контайши по котлу и по тагану»¹⁷.

Второй документ называет тубаларов и кумандинцев двоеданцами. Его сведения в отношении расселения несколько полнее: Кузенская волость здесь показана на р. Бие, рядом (выше по течению) с Кумандинской, а Южская отнесена к «чернолесью», как и Челканская¹⁸.

Таким образом, современные алтайские тубалары являются прямыми историческими потомками и наследниками культуры и быта ряда родоплеменных групп XVII—XVIII вв., обитавших с начала XVII в. до наших дней в этих же районах под одними и теми же родоплеменными названиями.

Относительно происхождения тубаларов существует несколько точек зрения. Например, В.Вербицкий считал их племенем «сомнительного происхождения», указывая, что «язык и верования их общи с алтайскими калмыками. Но, может быть, они и Финского племени, только слились с народностью Монгольской»¹⁹. Наибольшее распространение получило мнение В.В.Радлова, который первый обратил внимание на то, что алтайцы называют «черневых татар» этнонимом «туба». В.Радлов, основываясь на том, что термином туба себя называют «сойоты», т.е. тувинцы, а также койбалы, и учитывая то, что в истории Южной Сибири XVII в. часто упоминается имя племени тубинцев, центр обитания которых был на р. Убсе (правый приток Енисея), высказал такое предположение: «Имя туба указывает на то, что они должны были переселиться с востока. По всей вероятности, они являются самодийскими племенами, которые, уже ранее отуреченные, жили в начале прошлого (т.е. XVIII) столетия в области между Телецким озером и Катунью... диалектные особенности их языка указывают на то, что эти самодийские племена были отуречены киргизами. Они еще до сих пор занимаются собиранием корней и кедровых орехов, так же как это писали китайцы в отношении Ду-бо»²⁰.

В.Радлов вообще все племена Саяно-Алтайского нагорья, именующие себя «туба» (тувинцы, тофалары), считал смесью самодийских и кетских этнических элементов, подвергшихся тюркизации по языку. В.Бартольд же считал слово «туба» тюркским названием самодийцев²¹. Н.А.Аристов, вслед за Радловым, рассматривал северных алтайцев как отуреченных енисейских остяков и самодийцев, за исключением кумандинцев и челканцев (лебединцев), которых он связывал происхождением и с древними тюрками. В.Г.Богораз принимал северных алтайцев за отуреченных праазиатов по признакам их хозяйства, культуры и быта, так же как он относил к праазиатам пеших охотников и собирателей Саяно-Алтайской горной тайги²². Мне тоже приходилась касаться вопроса

жизни и были близки в этнографическом отношении. Они входили, как и другие абинцы, в телеутскую этническую и культурно-бытовую общность.

¹⁷ Л.П.Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 173.

¹⁸ Там же, стр. 173—174.

¹⁹ В.Вербицкий, Алтайцы, стр. 10.

²⁰ W.Radloff, Aus Sibirien, I, стр. 212.

²¹ В.В.Бартольд, Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 42. Специалист по самодийским языкам А. Joki считает этноним «туба» общим названием южных самодийцев и относит к ним упоминаемое племя Ду-бо («Die Lenhwörter des Sajansamojedischen», — MSFO, Helsinki, 1952, стр. 29).

²² В.Г.Богораз, Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке, — СМАЭ, т. VI.

происхождения северных алтайцев (шорцев, кумандинцев, челканцев и тубаларов) в целом, и я также пришел к выводу об их смешанном этническом происхождении при участии самодийских, кетских и даже угрских элементов²³ и присутствии древне-тюркского этнического компонента. Это положение я рассмотрю специально в отношении алтайских тубаларов.

Хозяйство и быт алтайских тубаларов характеризовались чертами, типичными для древней культуры ряда охотничьих племен и народностей, обитавших разбросанно в горно-таежных районах Алтае-Саянской и Хангайской горных систем. Материальной базой этой культуры была охота на зверя (мясного и пушного) в соединении с широко развитым собирательством съедобных диких растений (стеблей, корней, клубней, луковиц, орехов и т. п.) и с заготовкой их впрок на зимнее время. Местами этот хозяйственный комплекс дополнялся мелким мотыжным земледелием с маленькими посевами ячменя и разведением оленей в качестве транспортного средства. Встречались среди этих племен и очаги металлургии в виде домашнего производства железных изделий, основанного на умении добывать и плавить железную руду.

Для алтайских тубаларов в качестве основного занятия была характерна охота на зверя: в зимнее время на лыжах, летом пешком. Охотничью ношу тащили зимой на волокуше из куска сыромятной кожи (с шерстью) или на маленьких деревянных нартах, а летом несли на лямках за плечами. В конце XIX — начале XX в. для летней охоты использовалась верховая лошадь.

Еще в XVII—XVIII вв. большое значение в их хозяйстве имела плавка железа и выделка из него различных изделий, которые они обменивали у южных алтайцев на войлок, овчины, лошадей, коров и т. д. и которыми платили дань телеутским, телесским и джунгарским князьям. В XVIII в. выплавленное железо тубалары в значительном количестве продавали русским кузнецам. Только во второй половине XVIII в. железоделательное производство потеряло для тубаларов экономическое значение, хотя местами сохранялось почти до конца XIX в.

С упадком железоделательного производства охота на зверя стала господствующей отраслью хозяйства. Техническая база пеших оседлых охотников-тубаларов имела весьма архаические черты: большое место занимали различные деревянные ловушки-капканы опускного устройства, луки-самострелы, ловчие ямы и деревянные загороди, применявшиеся при охоте на крупных копытных зверей, добываемых ради мяса и шкуры.

Охота загоном с сооружением деревянных загородей была коллективной. В проходах загороди настораживали луки-самострелы и ставили петля. Лук со стрелами был широко распространен в качестве орудия охоты вплоть до XIX в., когда его вытеснило охотничье шомлольское ружье. Первостепенное значение охоты у алтайских тубаларов ярко выступает в том факте, что их обширные охотничьи угодья находились в монопольной собственности отдельных родов — сеоков. Например, род Кузен считал своими родовыми промысловыми территориями территории, расположенные по правобережью верхнего течения р. Бии и в районе Телецкого озера «тайги»: Актыган, Солог, Яшпу и Чорбок. Сеок Комдош промышлял зверя по долине р. Уймень (левый приток Бии), а также в верховьях Абакана. Кроме того, он охотился по некоторым определенным логам, выходящим в долину р. Кара-Кокши (левый приток Бии). Сеоку Юс принадлежали охотничьи лога и речки также в бассейне р. Кара-Кокши. В этом же обширном районе находились промысловые угодья сеока Токус. Угодья рода Ярык были в бассейне Уйменя и т.д.

Право собственности сеоков тубаларов на их обширные охотничьи угодья не оспаривалось ни кумандинцами, ни челканцами, ни алтайцами, что говорит о древнем освоении этих территорий алтайскими тубаларами. Как утверждают старики-тубалары, роды пришельцы, вошедшие в состав волостей алтайских тубаларов, получили свою охотничью

²³ Л.П.Потапов, Очерки по истории алтайцев, стр. 153—161; Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 183—186, 190, 194 и др.

территорию уже от тубаларов. Например, телеутский род Тонгул или Ялан, переселившийся на Бию с р. Чумыша (видимо, во второй половине XVIII в.), получил охотничьи угодья и находившуюся на ней почитаемую родовую гору в верховьях р. Лажы от сеока Комдош²⁴. Сеок Ярлык также получил для охоты отдельные районы на родовой промысловой территории рода Комдош и почитал родовую гору Комдошей. Сеок Чыгат, телесского происхождения, по-прежнему промыслил на своей старинной родовой территории и в верховьях Абакана.

У алтайских тубаларов, как и других северных алтайцев, священные почитаемые родовые горы (Тось таг) находились всегда на родовой территории сеока и культ священных гор был отражением родовой собственности на промысловую территорию²⁵. Промысливать на родовой территории могли только члены своего рода, поэтому обычно охотничьи артели составлялись из сородичей²⁶. Обнаружив на промысле в своей тайге чужеродцев, их, как правило, прогоняли. Ведущее значение охоты отразилось и в обычном праве. Например, охотничье ружье нельзя было взять с ответчика за долг, за убийство же охотничьей собаки виновный штрафовался лошадыю.

Охотничий образ жизни в горной тайге наложил отпечаток на все стороны быта тубаларов. Их одежда была короткополой, в виде куртки из войлока, покрытой грубым самодельным холстом из кендыря²⁷ (дикая конопля); штаны и рубаху нередко изготавливали из кожи козули, выделанной наподобие грубой замши, обувь делали составной с кожаным передом и холщевым голенищем, подвязываемым ниже колена, вместо чулок ноги заворачивали в сухую траву (вид осоки). Сапоги зимние шили из камуса, снятого с ног марала, шапку — из войлока, зимнюю шапку покрывали шкуркой утробного мараленка. Летом в руках носили деревянную палку, а к поясу подвешивали нож и мелкие ловушки.

В пищу тубалары употребляли преимущественно мясо зверей, ячменную муку из поджаренных зерен ячменя и различные виды диких растений, особенно клубни кандыка, луковицы сараны, стебли черемши, ягоды (калины, черемухи) и кедровые орехи. О роли растений в питании говорит название одного из подразделений рода Комдош — Палан-Комдош («калинщики»), а одно подразделение рода Юз именовалось «Саргайчы-Юз», что значит «саранщики». О хозяйственном значении собирательства свидетельствует и заготовка корней, добываемых из нор некоторых зверьков, запасующих себе корм на зиму.

Жилищем тубаларам служил либо конический шалаш из жердей, покрытый корой лиственницы или берестой (аланчик, каз-айыл), либо деревянная юрта со срубным четырех- или шестиугольным остовом и конической крышей, покрытой корой, называлась она «кереге айныл», так же как круглая войлочная юрта у скотоводов.

Несколько слов следует сказать об обычаях и обрядах тубаларов. Например, при заключении браков за невесту платили «калым» продуктами в виде сушеных тушек зверька сеноставки (*Ochotona alpina* Pall), колобков из зерен кедрового ореха, смешанных с талканом, сушеными клубнями кандыка или сараной. Невесте давали при переезде в дом жениха традиционный комплект имущества (одежду, постель, деревянную посуду, мотыгу и корнекопалку). Эти вещи назывались «кыстынг енчизи» и составляли личную собственность женщины в семье мужа. Название «енчи» представляет исторический интерес и связано с миром тюркских и монгольских кочевников-скотоводов. У средневековых уйгуров и монголов оно означало личную наследственную собственность на земельные уделы, на скот и на так называемое приданое невесты²⁸.

²⁴ См. подробнее: Л.П.Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 48.

²⁵ См.: Л.П.Потапов, Культ гор на Алтае, — СЭ, 1946, № 2.

²⁶ Л.П.Потапов, Очерки по истории алтайцев, стр. 273—274. Ср.: С.А.Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, стр. 36.

²⁷ Местами тубалары сами изготавливали холст на примитивном деревянном станке, подобно тому как это делали и древние тюрки (См.: Liu Mau-Tsai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'u-küe), Wiesbaden, 1958, Bd I, стр. 56, Bd II, стр. 530).

²⁸ W.Radloff, Uigunsche Sprachdenkmäler, Leningrad, 1928, стр. 28; Б.Я.Владимирцов, Общественный строй у

Умерших тубалары хоронили на деревьях или в наземных деревянных срубках. Религиозные верования тубаларов отражали то большое значение, которое имела охота в их жизни. Наиболее популярными и почитаемыми охотничьими божествами были Каным и Шангыр-бий. От них зависели результаты охотничьего промысла.

Итак, еще в начале нашего столетия тубалары по своему хозяйственному и бытовому облику были лесными пешими охотниками, близкими по образу жизни лесным племенам Саянской горной системы, описанным в древних китайских источниках, в частности, под названием Ду-бо. Однако тщательное и детальное этнографическое изучение показывает, что алтайские тубалары сохранили также многие элементы хозяйства, культуры и быта, свойственные древним тюркам, в комплексном хозяйстве которых главное место занимало кочевое скотоводство. Это обстоятельство осталось как-то не замеченным предшествующими исследователями, что не могло не сказаться и на решении вопроса о происхождении и этническом составе алтайских тубаларов. Попытаюсь аргументировать этот вывод конкретными фактами.

Яркой особенностью хозяйственного быта тубаларов, как и большинства «черневых татар», отличавшей их от большинства пеших охотников Саяно-Алтайской и Хангайской горных систем, было умение добывать руду, плавить железо и выделывать из него самые различные предметы вооружения, хозяйственного и домашнего обихода. Металлургия была их древним занятием, местами сохранившимся до последних десятилетий XIX в. Русские люди, проникшие в этот район по р. Томи в начале XVII в., не случайно назвали обитающее здесь население «кузнецкими людьми», а построенный в 1618 г. острог «Кузнецким». В документе 1622 г. говорится: «А около Кузнецкого острогу на Кондоме и Брасе (Мрассе. — Л.П.) реке стоят горы каменные великие, и в тех горах емлют кузнецкие есачные люди камень да то камень разжигают на дровах и разбивают молотами намелко, а разбив, сеют решетом, а просеев, сыплют понемногу в горн, и в тем сливается железо, и в том железе делают пансыри, бехтерцы, шелома, копы, рогатки и сабли и всякое железное, опричь пищалей, и те пансыри и бехтерцы продают колмыцким людям на лошади и на коровы и на овцы, а иные есак дают колмыцким людям железом же»²⁹. Эта технология, существовавшая здесь задолго до появления русских, сохранилась и позднее. Она хорошо описана в XVIII в. участниками русских академических экспедиций в Сибирь³⁰.

Спецификой этой техники был маленький глиняный горн, устанавливаемый в любое время в жилой юрте на месте очага. Верхняя часть горна представляла полусферическую глиняную крышку с отверстием наверху для засыпки мелкого угля и толченой руды. Плавил металл сыродутным способом при помощи маленьких ручных мехов и получали за полтора часа крицу весом немного более килограмма. Н. Ядринцев, описавший этот процесс в 1880 г. в южном районе Телецкого озера, называет такой горн «глиняным сосудом»³¹.

Несмотря на то, что железные изделия шли в какой-то части в уплату дани, они были также и предметом натурального обмена меновой торговли, служившей важной статьей экономической жизни. Об этом имеется прямое свидетельство самих «черневых татар», живших по Мрассе и в бассейне р. Кондомы. В ответ на запрещение московского правительства в 1641 г. ясачным, чтобы они «куяков и шапок железных и копей и рогатин и никакой ратной збруи черным и белым калмыкам и киргизским и саянским людям не продавали и на лошади и на скотину не меняли», последние заявили решительным отказом. Они мотивировали это таким образом: «тем-де мы ясачные люди живем»³².

Железодельная промышленность этих мест носила домашний характер, чем и

монголов, Л., 1934, стр. 56.

²⁹ «Сборник кн. Хилкова», СПб., 1879, стр. 191.

³⁰ J. Gmelin, Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743, Bd I. Göttingen, 1751, стр. 280—283; И. Георги, Описание обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб., 1879, стр. 163.

³¹ Н. М. Ядринцев, Отчет о поездке в 1880 г. в Горный Алтай, к Телецкому озеру в вершины Катуня, — ЗСОРГО, кн. IV, Омск, 1882, стр. 31.

³² ЦГАДА. Сибирский приказ, кн. № 136, лл. 350—351.

достигалась массовость производства железных изделий. Эта продукция была основным источником снабжения вооруженных отрядов телеутских, джунгарских и прочих феодалов. Исторические документы XVII в. подчеркивают, что калмыкам, например, «опричь Кузнецкие земли, никакова оружия купить не добыть нигде»³³.

Алтайские тубалары издавна жили в зоне древней металлургии, которая охватывала южное течение р. Томи (от впадения в нее рек Нижней, Средней и Верхней Терси), бассейны Мрассы, Кондомы, Бии и районы, прилегающие к Телецкому озеру. Я предполагаю, что данный очаг сложился под влиянием и при участии древних тюрков-тугю, проникших в Туву и Горный Алтай в VI—VIII вв., где они оставили свои характерные погребальные памятники.

Древние тюрки еще накануне образования своего государства славились плавкой руды и изготовлением различных изделий из железа, особенно предметов вооружения. Письменные источники подчеркивают, что железные шлемы и панцири были обычным одеянием этого воинственного кочевого народа³⁴.

В Южной Сибири в древнетюркское время были и другие очаги производства железа. Наиболее близким к североалтайскому находился енисейский очаг, созданный енисейскими киргизами, выделявавшими холодное острое оружие, отличавшееся высоким качеством, как повествуют китайские источники. Правда, у киргизов была своя сыродутная техника плавки железа, отличная от североалтайской, основанная на устройстве специальных плавильных ям и печей, остатки которых исследованы археологами. Возможно, что свое производство они развили под влиянием некоторых самодийских племен, ассимилировавшихся в киргизской среде, так как киргизы, хотя и говорили на одном из тюркских языков, но железо называли самодийским термином «гяша»³⁵.

Третий очаг был в районе озера Байкал. Существование его связывают с курыканами древнетюркских надписей. Остатки культуры курыканов, в хозяйстве которых добытие железа и кузнечество играли большую роль, видят в памятниках так называемой курумчинской археологической культуры, центр которой находился в южной части Приангарья и Приленского края³⁶.

В пользу древнетюркского происхождения добычи и обработки железа у северных алтайцев свидетельствуют многие данные. Например, ассортимент железных изделий, их форма и назначение, известные по русским историческим документам XVII—XVIII вв. и этнографическим материалам, сходны по всем признакам с древнетюркскими, о чем можно судить на основании археологических находок из древнетюркских погребений Тувы и Алтая и китайских письменных источников. В них входили не только предметы военного вооружения и снаряжение в виде мечей, сабель, наконечников стрел, копий, панцирей и шлемов, принадлежностей сбруи верхового коня (удил, стремян, различных пряжек и т.п.), но и разнообразные бытовые вещи, такие, как подвесные котлы, ножи, черпаки, огнива, в том числе и орудия труда, например топор-тесло. Этот топор дожил у тубаларов до этнографической современности под названием «керги» (у тувинцев — «кер-жек»). До начала XX в. сохранились у тубаларов и тувинцев и знаменитые древнетюркские стрелы-свистунки, особенностью которых был полый костяной шарик с отверстиями, насаживаемый перед железным наконечником. При полете стрела издавала свист, что как будто бы действовало во время боя на психику врагов древних тюрков. Тубалары и тувинцы применяли такие стрелы на охоте, чтобы вспугнуть зверя.

Следует добавить, что терминология, связанная с плавкой и обработкой железа, с наименованиями изделий у северных алтайцев, определено древнетюркского происхождения³⁷. Железо, например, именовалось темир или тебир, железная горная руда —

³³ «Сборник кн. Хилкова», стр. 192.

³⁴ Liu Mau-Tsai, Die chinesischen Nachrichten..., Bd I, стр. 130.

³⁵ L. Ligeti, Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise. Acta Orientalia, t. I, fasc. I, 1950, стр. 152.

³⁶ А.П.Окладников, История Якутской АССР, т. I, М.—Л., 1955, стр. 294—325; его же, Конь и знамя на ленских писаницах, — «Тюркологический сборник», т. I, М.—Л., 1951.

³⁷ См. словари, приложенные к книгам С.Е.Малова: «Памятники древнетюркской письменности», М.—Л., 1951;

темир-таш, кузнец — темирчи или тебирчи, а также тебир-узу³⁸, мехи-көрүк, щипцы или клещи — кыскаш (кыскач), уголь древесный — көмур (кобур). Напомним, что у тубаларов термином кббурчи именовалось одно из подразделений рода Кондош, так как люди этого рода в прошлом занимались специально обжигом древесного угля для плавки руды. То же самое можно выявить и в названиях изделий, панциря — куяк, сабли — кылыш (кылыс), удила — суулук, стремени — узенги, топора-тесла — керги и др. Таким образом, мы видим, что у пеших охотников алтайских тубаларов была развитая древнетюркская терминология, связанная с плавкой железа и названиями железных предметов военного и домашнего быта кочевников-скотоводов.

По археологическим данным из Тувы и с Енисея, добыча и обработка железа в североалтайской зоне появились в гунно-сарматское время, т.е. задолго до возникновения древнетюркского государства, но развились и приняли тот вид, о котором говорят вышеприведенные материалы, под воздействием и при участии древних тюрков. Возможно, что предки древних тюрков участвовали в создании этой отрасли труда и в так называемое гуннское время, так как они вышли из гуннской среды, смешанной по этническому составу. О происхождении их из этой среды свидетельствуют известные письменные источники и некоторые лингвистические данные³⁹. Например, древние тюрки оказались приемниками в разведении особой породы низкорослых лошадей гуннов-сюнну, зафиксированных в китайских источниках под названием «тао-ту»⁴⁰. Они могли, разумеется, унаследовать от своих ранних предков производство и обработку железа.

Древнетюркские элементы у алтайских тубаларов прослеживаются не только в хозяйстве, орудиях труда, но также в их культуре и быте. Я уже обращал внимание на такие факты у рода Тиргешь в отношении одежды, мужской прически, изготовления и названий молочных продуктов⁴¹. Выше говорилось о срубном многоугольном жилище, называемом термином, принятым для круглой решетчатой юрты, крытой войлоком. На это же указывают отдельные названия деревянной или берестяной утвари. Например, берестяной туюс емкостью в несколько ведер для жертвенной браги называли «саба», т.е. тюркским термином, распространенным у киргизов, казахов и башкир, применительно к кожаному сосуду для кумыса, в то время как южные алтайцы называют такой кожаный сосуд «архыт», и т.д. К этому можно добавить материалы из области религиозных верований. Наиболее ярким из них является обычай жертвоприношения лошади, столь несовместимый этнографически с охотничьим пешим бытом.

Тубалары приносили своим высшим божествам в жертву лошадь с последующим вывешиванием на шесте ее шкуры, так же как это делали древние тюрки⁴². Среди этих божеств Каным и Тезим представляли собой персонифицированное олицетворение гор, столь характерное для древних тюрков. Из них «Йыш еези Каным-бий» — хозяин лесов Каным-бий, — почитаемый и другими северными алтайцами, был персонифицированным божеством конкретной горной местности, наподобие Отукена у древних тюрков. Каным — это название высокого горного хребта в северной части Кузнецкого Алтая. Под этим именем он обозначается на современных географических картах. Тезим — тоже название какой-то высокой горы или горного узла, местоположение которого я не установил. Тубалары и прикатунские алтайцы называют его Тезим-бий или Тезим-тайка.

«Енисейская письменность тюрков», М.—Л., 1952; «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии», М.—Л., 1959, а также «Древнетюркский словарь», Л., 1969.

³⁸ Здесь слово «уз» — «ус» означает «умелец». В этом значении оно зафиксировано в известном памятнике древнетюркской рунической письменности в честь Моюн-Чура («Селенгинский камень»),

³⁹ См.: В.С.Таскин, Тюркские названия домашних животных в языке сюнну, — «Краткие сообщения Института народов Азии», М., 1964, № 85.

⁴⁰ Ю.А.Зуев, Тамги лошадей из вассальных княжеств, — ТИИАЭАНК, т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 98;

В.С.Таскин, Скотоводство у сюнну по китайским источникам, — «Вопросы истории и историографии Китая», М., 1968, стр. 28—29.

⁴¹ Л.П.Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 50.

⁴² А.Глухов, «Тайэлга», — Материалы по этнографии, т. III, вып. I, Л., 1927.

Этим высшим божествам приносили в жертву раз в три года лошадей определенной масти, например, божеству Ульгеню — светлой (серой) масти, а Тезиму — рыжей. Жертвоприношение лошадей горам, да еще одномастных, характерно для тюркоязычных кочевников-скотоводов Саяно-Алтайских гор. Лошадей для жертвоприношений тубалары покупали, так как скота они держали мало из-за природных условий. Высшие божества тубаларов носили приставку «бий» со значением высокого титула: Каным-бий, Шаныр-бий и др.⁴³.

По утверждению В.В.Бартольда, слово бий среднеазиатское и появилось оно не ранее XV в.⁴⁴. Отсюда следует, что религиозные верования тубаларов отразили не только их древнетюркские, но и средневековые тюркские этнокультурные связи. Один из жертвенных напитков, приготовленный из ячменя, тубалары называли «поза», тем же термином, каким средневековые узбеки называли свой опьяняющий напиток из проса⁴⁵.

Остановимся кратко на шаманских атрибутах. Шаманский бубен у тубаларов, как и у телеутов, носил тюркское название «чалу», в отличие от челканцев, кумандинцев и шорцев, которые называли бубен «түүр» (термин, относящийся к монгольской лексике). Собственно тубаларский бубен — каным-чалу—был типичным «черневым». Его обтягивали только кожей марала, обечайку делали из кедра. Внешним отличием тубаларского бубна являлась вертикальная деревянная рукоятка в виде антропоморфных голов, расположенных антиподально. По существу рукоятка — это вставленное в бубен изображение божества Каныма — хозяина одноименного горного хребта, которое делали и хранили у себя многие охотники тубалары, шорцы, челканцы и кумандинцы. У шорцев это изображение (идол) называлось «Тайгам».

Любопытно и характерно для «черневых» жителей — тубаларов, челканцев и др. — представление об образе жизни божества Каныма — хозяина всех зверей тайги. Его изображали в виде человека, одетого в железный панцирь, и поэтому называли «Темир куяктык Каным». Осенью перед охотой ему устраивали моление, приглашая шамана, чтобы испросить удачу на промысле. Шаман камлал не с бубном, а с березовой палочкой в виде рогульки, концы которой соединяла веревочка с подвешенными на ней кусочками угля и старого железа. Так отразился в верованиях хозяйственный быт оседлых пеших охотников и металлургов.

В заключение следует сказать, что анализ разнообразного этнографического материала дает свидетельства участия в этническом составе алтайских тубаларов древнетюркских этнических элементов. Такой вывод можно сделать на основании анализа этнонимов. В названии родов-сеоков алтайских тубаларов, как уже подчеркивалось раньше, сохранились древнетюркские этнонимы, относящиеся как непосредственно к древним тюркам, так и к тюркоязычным племенам теле⁴⁶. Название рода Тиргешь особенно показательно в этом отношении, так как представляет собой этноним большой группы западных тюрков VI—VIII вв. Роды Тогус и Чыгат также были названиями тюркоязычных племен того времени. Лингвистическую аргументацию о сближении названия тубаларского рода Тогус с тогуз-огузами древнетюркских рунических надписей привел Н.А.Баскаков⁴⁷. Следовательно, можно говорить не только о древнетюркских компонентах в составе алтайских тубаларов вообще, но и о некоторых конкретных племенах или объединениях племен, далекие исторические потомки которых сохранили свое древнее наименование в качестве отдельных родов у современных тубаларов.

Исторический интерес представляет и обобщенное самоназвание алтайских тубаларов «йыш-кижи», ибо содержит в себе слово «йыш», которым называли горнотаежную местность древние тюрки. С таким значением оно встречается в памятниках древнетюркской

⁴³ Об этом см.: Л.П.Потапов, Разложение родового строя у племен Северного Алтая, Л., 1935, стр. 28—32.

⁴⁴ В.В.Бартольд, Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 36, 399.

⁴⁵ М.Ф.Гаврилов, Остатки ясы и усуну у узбеков, Ташкент 1929.

⁴⁶ Л.П.Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 180.

⁴⁷ «Алтайский язык», М., 1958, стр. 28.

рунической письменности VIII в. В надписях, посвященных Кюль-Тегину и Тоньюкуку, упоминаются Отукан йыш, т.е. Отукенская чернь, простирающаяся от верховьев Селенги до верховьев Енисея; Когмен йыш — Западный Саян; Алтун йыш — Алтай; Чугай йыш — северные склоны древнего хребта Иншаня, расположенного севернее излучины р. Хуанхэ, и др. Кузнецкую чернь (Кузнецкий Алатау) северные алтайцы до сего времени называют Аба йыш, т.е. Абинская чернь, по имени господствовавшей здесь группы абинцев, входивших в телеутскую этническую общность. Таким образом, в самоназвании алтайских тубаларов также содержится указание на их этногенетическую связь с древними тюрками VI—VIII вв.

Из обзора и анализа рассмотренных выше материалов следует, что в настоящее время невозможно разделять взгляды В.В.Радлова на происхождение алтайских тубаларов как только тюркизированных самодийцев; их древний этнический субстрат оказывается гораздо сложнее и характеризуется смешением самодийских элементов с древнетюркскими. Это смешение относится к раннему периоду этнической истории тубаларов Горного Алтая. Позднее, в период, предшествующий вхождению тубаларов в состав русского государства, они смешивались уже с соседящими с ними телеутами, телесами, челканцами и кумандинцами.